

Брандукова Елена

Два брата.
Один выбор.
Последствия
на всю жизнь

ТАМ, ГДЕ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ БЕТСТВО

КОГДА ПРОШЛОЕ ПЕРЕСТАЕТ УПРАВЛЯТЬ ТВОИМ БУДУЩИМ

18+

Елена Брандукова

Там, где заканчивается бегство

<https://litres.ru/74334507>

SelfPub; 2026

Аннотация

Оливия привыкла не задерживаться нигде надолго. За шестнадцать лет она сменила десятки домов, школ и имён, следуя за отцом, который отчаянно пытается скрыть их прошлое. Но в маленьком Милл-Крике всё должно измениться: новая школа, первые друзья и люди, рядом с которыми Оливия впервые начинает чувствовать себя дома.

Только прошлое не собирается её отпускать. Старый долг Томаса становится причиной новой угрозы, а неизвестные люди начинают следить за Оливией, пытаясь добраться до её отца.

И среди всего этого хаоса появляются два брата — Крис и Мэйсон. Один становится её болью, другой — её опорой. Оливии предстоит сделать выбор, который изменит не только её сердце, но и судьбу всей семьи.

Когда прошлое настигает тебя, иногда единственный способ обрести свободу — перестать бежать.

Содержание

Глава 1. Искусство быть призраком	4
Глава 2. Тени в пустом доме	15
Глава 3. Город, где никто не прощает	22
Глава 4. Чужое имя и открытый вызов	36
Глава 5. Цена чужого благородства	54
Конец ознакомительного фрагмента.	72

Елена Брандукова

Там, где заканчивается бегство

Глава 1. Искусство быть призраком

За шестнадцать лет я сменила больше домов, чем большинство людей посещают за всю жизнь. Каждая новая спальня была лишь временным пристанищем — чужим, безликим пространством с въевшимся запахом чужих духов, сырости или дешевой краски. Пространством, где мне категорически запрещалось расклеивать плакаты, заводить домашние растения или хоть как-то пускать корни. «Не привыкай, Лив, — повторял отец, даже когда мы только заносили вещи. — Мы здесь ненадолго».

Иногда мне казалось, что единственным настоящим домом — единственной стабильной константой в моем хаотичном существовании — оставался салон нашего старого темно-синего пикапа «Форд». Его потертые кожаные кресла с трещинами, похожими на паутину, помнили меня совсем малышкой. Прожженная сигаретой панель приборов, въевшийся в обивку стойкий, густой коктейль из бензина, горького дешевого кофе и бесконечной дорожной пыли — это был

мой личный запах безопасности. Именно здесь, под мерный гул старого мотора, тихо и незаметно прошло мое детство.

Мы снова переезжали.

Я давно перестала спрашивать «куда?».

Перестала уточнять «зачем?».

И, самое главное, больше никогда не задавала вопрос «надолго ли?».

Потому что ответ я знала наперед: *ненадолго*.

Отец никогда не озвучивал истинную причину нашей вечной гонки с тенью. В детстве он с мягкой, слегка виноватой улыбкой уверял меня, что его работа инженера требует постоянных разъездов. Позже, когда я стала постарше и научилась подмечать детали, версия сменилась: он утверждал, что искал «тот самый» город, где воздух чище, школа лучше, а люди доброжелательнее. Еще позже — обвинял случайности, кризисы и «скверных соседей».

Он врал. Врал плохо, беспомощно, путаясь в собственных версиях и избегая смотреть мне в глаза.

Я окончательно осознала это лет в двенадцать. Полноценная работа не заставляет человека сжигать SIM-карты и менять номера телефонов каждые несколько месяцев. Честная жизнь не требует расплачиваться исключительно помятыми наличными купюрами, хранящимися в тайнике под сиденьем, и панически избегать банковских карт. Она не вынуждает вздрагивать от каждого резкого звука и просыпаться среди ночи в холодном поту только потому, что на пар-

ковке у дома слишком тихо затормозила чужая машина.

И главное — честная работа не учит смотреть в зеркало заднего вида так, словно там, за пеленой пыли, неотступно мчится сама смерть.

А мой отец смотрел. Постоянно. Словно этот взгляд стал его главным жизненным рефлексом, неконтролируемым тиком.

Даже сейчас его костяшки пальцев побелели от того, с какой силой он сжимал потертый руль. Взгляд отца каждые пять-семь секунд метко рвал дистанцию, срываясь с дороги и возвращаясь к мутноватому стеклу заднего вида. На челюстях гуляли желваки, а на лбу, несмотря на жару, выступала мелкая испарина.

Я машинально повернулась, глядя назад через плечо. За нами тянулась лишь бесконечная лента раскаленного, абсолютно пустого шоссе. Никаких темных седанов. Никаких преследователей на мотоциклах. Никого, кроме вибрирующего прозрачного марева над горячим асфальтом.

Но отец все равно искал. Он вглядывался в эту пустую вдаль с таким отчаянием, будто точно знал: тот, кого он панически боялся все эти годы, рано или поздно появится на горизонте.

В салоне стояла невыносимая, липкая духота. Кондиционер окончательно испустил дух еще два штата назад, одарив нас на прощание жалобным скрежетом, поэтому стекла были опущены до упора. Горячий, пахнущий сухой травой и

выхлопными газами августовский воздух врывался в окна, больно хлестал меня по лицу выбившимися из хвоста пряжками волос и забивал легкие мелкой пылью.

За окном бессердечно проносились километры:

Сначала гудящие многополосные магистрали.

Затем серые, унылые промзоны с ржавыми каркасами складов.

Потом бессчетные золотистые поля, сменяющиеся густым, темным хвойным лесом.

Чем дальше мы уезжали от цивилизации, тем реже попадались встречные машины. Я прижалась лбом к прохладному металлическому краю оконной рамы и думала о том, что вся моя жизнь — это вот эта бесконечная полоса асфальта. Всегда только вперед. Никогда назад. Без возможности остановиться, завести настоящих друзей и хотя бы на секунду перевести дыхание, не ожидая ночного приказа «собирай вещи».

На очередной крошечной заправке, затерянной где-то между штатами, отец глухо звякнул ключами зажигания и вышел купить кофе. Но прежде чем сделать хоть шаг к стеклянным дверям придорожного магазина, он замер на месте. Медленно, по-звериному чутко он осмотрел полупустую парковку. Затем — стоящие у дальних колонок грузовики. Подозрительно вгляделся в фигуры случайных прохожих. И только убедившись, что прямая угроза отсутствует, скрылся внутри.

Я тяжело, с гулким хрипом вздохнула, опуская голову на холодный пластик торпеды. Спина затекла, ноги ломило от долгого сидения. Даже когда мир вокруг нас дышал абсолютным спокойствием, отец вел себя так, будто взведенный курок уже был прижат к его затылку.

Через пару минут он вернулся, держа в руках два помятых бумажных стаканчика. От одного пахло дешёвым жжёным эспрессо, от другого — чересчур сладким химическим какао.

— Все в порядке? — спросила я, скорее повинувшись многолетней привычке, чем рассчитывая на искренность.

Отец замер с ключом в замке зажигания. На секунду его усталые, подернутые серой паутиной морщин и давней бессонницей глаза встретились с моими в зеркале.

— Конечно, милая. Всё хорошо.

Это была его самая привычная и самая чудовищная ложь. Ложь, которой мы оба обманывались просто для того, чтобы не сойти с ума.

— Еще минут двадцать, — сухо вато произнес отец спустя почти восемь часов непрерывной, изматывающей дороги, когда солнце уже начало склоняться к вершинам деревьев.

Я подняла тяжелые, воспаленные веки. Серый, гипнотирующий гул автомагистрали остался позади. Пикап плавно свернул на узкую двухполосную дорогу, укрытую плотной тенью раскидистых кленов. Солнечный свет пробивал-

ся сквозь густую листву сотнями золотистых зайчиков, мечущихся по капоту и асфальту.

У обочины показался потертый деревянный указатель, обросший по краям мхом:

«Добро пожаловать в Милл-Крик».

Я невольно вгляделась в разворачивающийся пейзаж. Городок казался сошедшим со страниц старой открытки или кукольным декорациям к уютному семейному фильму. Аккуратные кирпичные и деревянные дома с ослепительно белыми верандами. Старинные кованые фонари. Небольшие уютные кафе, на террасах которых люди неспешно попивали холодный чай с лимоном. Из местной пекарни доносился головокружительный, волшебный аромат свежесвепеченного хлеба, ванили и корицы. На аккуратных клумбах буйствовали яркие цветы, пожилые супружеские пары гуляли, трогательно держась за руки, а дети со смехом носились по тротуарам с подтаивающим рожками мороженого.

Казалось, в этом изолированном от суеты месте никто и никогда даже не слышал слова «страх».

Я смотрела на жителей Милл-Крик с затаенной, щемящей грустью завистью. *Каково это?* — думала я, сжимая в кармане ткань старых джинсов. — *Каково это — всю жизнь прожить на одном месте? Каждое утро ходить по знакомым с детства улицам, знать всех соседей по именам, хранить детские рисунки в своей собственной спальне и иметь друзей, которых не нужно предавать молчаливым исчезновени-*

ем среди ночи каждые полгода?..

Наверное, именно это чувство защищенности люди и называют «домом».

Вдруг пикап резко дернулся, заставив меня натянуться на ремне безопасности. Отец резко крутанул руль, сворачивая в узкий, темный переулок. Навигатор на панели молчал — отец намеренно выключил его еще два часа назад.

Я сразу зафиксировала это изменение. Мы проехали прямой поворот к нашему новому адресу. Затем отец сделал плавный круг по соседней тихой улице, где не было ни души. Потом еще один — петляя между одинаковыми аккуратными заборами, словно путал следы или нарезал замысловатые узоры на карте.

— Мы заблудились? — тихо спросила я, хотя уже прекрасно знала ответ.

— Проверяю, — коротко отрезал он. Его голос звучал натянуто, как струна. Он не сводил глаз с зеркал.

— Что проверяешь?

Отец ничего не ответил. Но мне и не нужны были слова. Он проверял, не привезли ли мы за собой «хвост» в этот открыточный рай. Проверял, не станет ли Милл-Крик нашей очередной ловушкой.

Только спустя десять минут хаотичных маневров мы наконец остановились у небольшого двухэтажного дома в самом конце тупиковой улицы, упиравшейся в густой лес.

Здание выглядело пожившим, но невероятно уютным:

слегка облупившаяся серая краска на фасаде, аккуратная белая веранда с деревянным плетеным креслом, темные ставни. Перед крыльцом возвышался исполинский старый клен, бросавший прохладную тень на всю лужайку, а у фундамента пышно цвели небесно-голубые гортензии. От этого места веяло таким абсолютным миром, что мне на секунду искренне хотелось поверить: здесь, под этой крышей, с нами наконец-то ничего плохого не случится. Возможно, это и есть финал нашей бесконечной гонки.

Я толкнула тяжелую, слегка заклинивавшую дверь пикапа и шагнула на свежую траву. Меня тут же окутало плотное тепло угасающего августовского вечера. Воздух был густым, невероятно вкусным после пыльного салона: он пах нагретой солнцем древесиной, скошенной травой, сочными спелыми яблоками и далеким дымком пекарни. В траве оглушительно стрекотали цикады, а ветви клена тихо шелестели на легком вечернем ветру.

Здесь было тихо. Неестественно, почти оглушительно тихо.

Мы молча принялись выгружать вещи из кузова. Коробок было катастрофически мало для двух взрослых людей. Когда твоя жизнь уместается в формате вечного побега, быстро усваиваешь суровый урок: любая лишняя вещь, любая памятная безделушка однажды станет невыносимой обузой, которую придется бросить на произвол судьбы.

Я подняла очередную картонную коробку с моей немно-

гочисленной одеждой, шагнула к деревянным ступеням веранды и внезапно замерла.

Вдоль затылка и ниже по позвоночнику пробежал морозный, липкий импульс. Это древнее, нерациональное чувство невозможного присутствия нельзя объяснить логикой — ты просто физически ощущаешь чужой, тяжелый, пристальный взгляд, упершийся тебе прямо в лопатки.

Я медленно, преодолевая сковавшее тело оцепенение, обернулась и посмотрела через низкую изгородь на соседний участок.

На крыльце соседнего дома стояла женщина. Высокая, болезненно худая, в просторном темном платье, спадавшем тяжелыми складками. Ее ярко-рыжие, словно открытое пламя, волосы вспыхивали слепящим золотом под последними лучами уходящего за горизонт солнца. Она не махала нам рукой в знак соседского приветствия. На ее бледных губах не было дежурной доброжелательной улыбки. Она просто стояла, скрестив руки на груди, и неподвижно смотрела.

И смотрела она не на меня.

Ее взгляд был намертво прикован к моему отцу.

Этот взгляд длился слишком долго. Он был напитан не простым обывательским любопытством к новым жильцам, а острой, узнающей, почти враждебной въедливостью. Словно эта женщина до боли в глазах пыталась узнать в ссутулившемся, уставшем мужчине у пикапа кого-то, кого встретила — или потеряла — много лет назад. Кого-то, кто навлек на

нее беду.

Я перевела испуганный взгляд на отца.

Он тоже увидел ее. Это переглядывание длилось лишь долю секунды, но эффект был оглушающим. Пальцы отца так сжали края тяжелой коробки, что плотный картон жалобно хрустнул и смялся. На его стиснутых челюстях желваки ходили ходуном, а лицо мгновенно потеряло все краски, став смертельно бледным. А в глубине его глаз — обычно сухих, строгих и усталых — вспыхнуло то самое выражение, которое я ненавидела и боялась больше всего на свете.

Дикий, первобытный, животный страх.

Не просто испуг от неожиданности. Это была паника человека, который всю свою жизнь провел в ужасе перед неизбежным днем, когда стук прошлого разрушит его хрупкий иллюзорный мир.

Женщина на соседнем крыльце не произнесла ни слова. Она медленно развернулась и бесшумно скрылась в густой темноте своего дома, даже не зажигая свет в прихожей.

Отец провожал ее исчезающий силуэт тяжелым, неподвижным взглядом до тех пор, пока за ней не захлопнулась дверь. Затем он судорожно, почти дико оглядел пустую улицу, сглотнул подступивший к горлу ком и, сделав вид, что ничего не произошло, понес свою коробку в дом, спотыкаясь на первой же ступени.

Но меня уже было не обмануть. Сердце колотилось где-то в горлу, а внутренний голос отчетливо шептал: в этом ти-

хом, идеальном городке всё изначально было не так. И наш очередной, бесконечный побег, похоже, только что потерпел крах, вступая в свою самую опасную и темную фазу.

Глава 2. Тени в пустом доме

Дом встретил нас тяжелым, густым запахом застоявшегося воздуха, сухой древесины, старого плесени и въевшейся в стены вековой пыли. Здесь явно давно никто не жил. Каждый наш с отцом шаг глухо отдавался гулким эхом в пустых комнатах, разгоняя замершее, казалось, застывшее здесь время.

Мы заносили коробки молча, сохраняя угрюмое, почти ритуальное спокойствие, давно ставшее привычной частью нашей жизни. Ни музыки, ни непринужденных шуток, которые обычно сопровождают новоселье в нормальных семьях. Каждая картонная упаковка глухо и тяжело опускалась на деревянный пол, оставляя четкие светлые прямоугольники на запыленных половицах.

Их действительно было катастрофически мало — вся наша шестнадцатилетняя жизнь легко помещалась в кузове старого пикапа. Никаких громоздких шкафов, никакой мягкой мебели, хранящей память о семейных праздниках, никаких детских рисунков или фотографий в рамках. Только самое необходимое: свернутые в рулоны потертые одеяла, немного спартанской посуды, пара сумок с одеждой и тяжелые деревянные ящики с инструментами отца. Мы всегда путешествовали налегке, будто в любой момент были готовы бросить всё за тридцать секунд и раствориться в предрас-

светной ночи.

Когда последняя коробка опустилась у подножия деревянной лестницы, ведущей на второй этаж, я остановилась и обтерла взмокшие от жары ладони о джинсы.

Первый этаж представлял собой скромную гостиную, совмещенную с крошечной, явно давшей усадку кухне. Старая мебель, укрытая блеклыми простынями-чехлами, казалась застывшими призраками из прошлого. Я подошла к высокому окну, выходявшему на фасад, и осторожно, едва касаясь пальцами, потянула за край выцветшей плотной шторы.

Отсюда идеально просматривалась вся улица, включая подъездную дорожку и поворот из тупика. *Стратегически удобный обзор, — поймала я себя на автоматической мысли и тут же поморщилась.* Черт. Я уже начинала думать точно так же, как мой отец. Везде искать укрытия, точки обстрела и пути отступления.

— Твоя комната наверху, справа по коридору, — раздался за моей спиной его низкий, глухой голос.

Отец стоял у кухонного острова, тяжело уперевшись обеими руками в потертую деревянную столешницу. Его широкие плечи были привычно напряжены, а голова опущена. В полумраке нежилой прихожей он казался значительно старше своих лет: глубокие морщины вокруг рта залегли еще сильнее, а в темных, спутавшихся волосах ярко, почти ослепительно серебрилась седина. Вспышка паники на улице, вы-

званная той рыжеволосой женщиной с соседнего крыльца, выпила из него последние силы.

— Спасибо, — тихо ответила я, подбирая с пола свой тяжелый рюкзак. Я помялась на месте, переминаясь с ноги на ногу, а затем, преодолевая страх перед его реакцией, все же спросила: — Ты знаешь ее?

Отец даже не поднял головы. Его пальцы лишь сильнее сжались на краю кухонного стола, пока костяшки снова не побелели.

— Кого? — слишком безучастно переспросил он.

— Женщину с соседнего крыльца. Рыжую. В темном платье.

Воздух между нами мгновенно натянулся, словно перекаленная стальная струна. Отец медленно распрямился, упорно избегая встретиться со мной взглядом, и достал из кармана потертую пачку дешевых сигарет.

— Нет, — сдержанно отрезал он, щелкнув дешевенькой пластиковой зажигалкой. Пламя на секунду выхватило из тьмы его заострившиеся черты лица. — Просто сумасбродная местная. Не обращай внимания... Лив. И... постарайся не привлекать к себе лишнего внимания. Завтра нужно будет уладить документы в твоей новой школе.

Лив. Он на мгновение запнулся перед моим именем, как делал всегда, когда мы меняли города. Я привыкла к имени «Лив», хотя еще пару лет назад была Эмили, а до этого — Софи. В тексте его мысли или в бумагах для школы я могла

быть кем угодно, но глухая обида от этого не становилась меньше.

— Как всегда, — прошептала я с нескрываемой горечью, крепче сжимая лямку рюкзака.

Отец замер с сигаретой у губ, собираясь что-то добавить — возможно, еще одну неуклюжую полуправду или привычное успокаивающее обещание, которому давно никто не верил. Но в этот момент звенящую тишину пустого дома разрезал резкий, надрывный и мерзкий звук.

Зазвонил его телефон.

Это был не обычный современный смартфон, а древняя кнопочная «раскладушка» — один из тех одноразовых телефонов-«огурцов», которые отец покупал за наличные на заправках и менял каждые две-три недели, беспощадно разламывая старые пополам. Звук вызова в тишине прозвучал как громкий выстрел.

Отец мгновенно вытащил чипованный аппарат из кармана. Его взгляд упал на крошечный монохромный экран, и я своими глазами увидела, как уходит последняя краска с его лица: кожа мгновенно побледнела до синевы, а губы сжались в узкую бледную линию.

Он даже не подумал ответить при мне.

— Лив, поднимись наверх и запри дверь, — отрывисто, не терпящим никаких возражений тоном приказал он.

— Папа, кто это?.. Кто звонит на этот номер?

— Сделай, как я сказал! — неожиданно рывкнул он, за-

ставив меня вздрогнуть. Но за этой жесткой грубостью проглядывала вовсе не злость — это была чистая, животная паника человека, чей тайный узел распутался.

Он с силой прижал телефон к уху, защелкнул крышку ответа и быстро зашагал к выходу, даже не накинув куртку. Тяжелая входная деревянная дверь с грохотом захлопнулась за ним, сглотив тихий, отрывистый и яростный шепот, вырвавшийся у него на пороге: «Я же сказал тебе, больше никогда не звонить на этот номер...»

Снаружи взревел многолитровый мотор нашего «Форда». Спустя пару секунд гравий зашуршал под тяжело проворачивающимися колесами, и звук уезжающей на высокой скорости машины быстро растворился в вечерней тишине Милл-Крика.

Я осталась абсолютно одна.

Тишина, мгновенно обрушившаяся на незнакомый дом, была почти физически ощутимой. Она давила на барабанные перепонки, заставляя судорожно всматриваться в густеющие угловатые тени по углам гостиной.

Я медленно, с трудом переставляя налившиеся свинцом ноги, поднялась по скрипучей деревянной лестнице на второй этаж. Моя новая спальня оказалась совсем крошечной и унылой: узкая односпальная кровать у окна, старый раскоханный письменный стол и встроенный шкаф, деревянная дверца которого жалобно поскрипывала от малейшего сквозняка.

Я бросила рюкзак на пол, подошла к окну и прижалась лбом к прохладному стеклу. Внизу, за темным силуэтом ипольинского клена, четко виднелось соседнее крыльцо. Окна того дома были абсолютно темны, в них не горел даже дежурный свет, но меня не покидало липкое, тошнотворное чувство, что за мной пристально наблюдают из-за тех плотных, тяжелых штор.

Я тяжело сглотнула подступивший к горлу сухой ком и опустилась на голый, пахнущий пылью матрас, крепко обняв колени руками.

Кто мы такие? От кого мы бежим уже шестнадцать лет? И почему прошлое отца всегда находит нас, в какой бы глухой провинциальной дыре мы ни пытались спрятаться?

Эти вопросы терзали меня столько, сколько я себя помнила. В глубоком детстве я искренне верила, что мы с папой играем в какую-то увлекательную и тайную шпионскую игру. Но мне давно уже не шесть лет. Никакой романтической игры нет. Есть только бесконечный, парализующий страх, сломанная, искромсанная жизнь и полная, непроглядная неопределенность. Я не помнила имени своей матери, не помнила, где именно родилась, и даже имя, произносимое отцом, иногда казалось мне абсолютно чужим. Была ли я действительно Лив? Или это очередная маска, наспех вписанная в фальшивое метрическое свидетельство?

Темнота окончательно поглотила комнатку. Я не стала включать свет, боясь выдать свое присутствие. Лишь тусклый лунный луч пробивался сквозь густые ветви клена за окном, рисуя на белесом потолке причудливые, шевелящиеся тени, похожие на тянущиеся ко мне тонкие пальцы.

Я стянула пыльные кеды, легла на жесткую кровать прямо в одежде и укрылась захваченным снизу колючим шерстяным пледом. От него пахло старым матрасом, давним дымом и холодным ночным ветром.

Где-то далеко внизу, в траве у фундамента, снова оглушительно застрекотали цикады. Уютный Милл-Крик погружался в сон, убаюканный тишиной и провинциальным покоем. Но для меня эта тишина больше не несла никакого умиротворения. Она казалась лишь обманчивым, затишьем перед грядущей разрушительной бурей.

Крепко сжимая в кулаке край пледа и чутко прислушиваясь к каждому шороху на опустевшей улице в ожидании звука возвращающегося пикапа, я изо всех сил зажмурилась. Сон приходил тяжело, прорываясь сквозь лихорадочные, тревожные мысли, пока я окончательно не провалилась в тяжелую, бездонную и липкую темноту.

Глава 3. Город, где никто не прощает

Меня разбудил резкий, взлетевший под самый потолок грохот.

Я судорожно распахнула глаза, вжимаясь спиной в жесткий, непривычный матрас и не сразу сообразив, где нахожусь. Сердце заколотилось о ребра частой, болезненной дрожью, словно за секунду до этого меня жестоко выдернули из кошмара. Воздух в незнакомой спальне казался слишком плотным, а тени от ветвей клена на потолке — липкими и угрожающими.

Первая мысль была привычной, заученной за шестнадцать лет до автоматизма: *Они нашли нас.*

Этот сценарий отпечатался на моей подкорке. Обычно все происходило глубокой ночью. Отец врывался в комнату, больно касался моего плеча и чеканил одно-единственное слово: «Собирайся». Нам требовалось не больше десяти минут, чтобы бросить ненагретые постели, сгрести в охапку нехитрый улов вещей и снова нестись по темным, молчаливым шоссе в прокуренном салоне пикапа, оставляя за спиной очередной дом, так и не ставший родным.

Я замерла, сжимая в кулаках край шерстяного пледа и прислушиваясь к гулкой тишине. Стук повторился. Но вме-

сто тревожного, сдавленного шепота за сухой деревянной дверью раздался обычный, слегка охрипший голос отца:

— Лив? Ты уже встала?

Я выждала несколько секунд, заставляя сумасшедший пульс выравниваться, и прочистила сухое горло:

— Да, пап. Почти.

— Жду тебя на кухне. Завтрак остывает.

— Сейчас спущусь.

Я села на матрасе. За окном всюду бушевало яркое, почти ослепительное августовское солнце. Его лучи пробивались сквозь густую листву клена, заставляя миллионы пылинок танцевать в золотистом свете. Я с силой потерла лицо ладонями и тяжело, с глубоким облегчением выдохнула.

Кажется... сегодня за нами никто не пришел. Прошлый вечер с той странной рыжеволосой женщиной и ночным звонком не закончился моментальным бегством. Мы снова выиграли немного времени.

Я поднялась и потянула на себя дверцу старого встроенного шкафа. Створка жалобно скрипнула, осыпав пол древесной пылью. Вещей на полках было удручающе мало: пара потертых джинсов, несколько растянутых серых футболок, одна худи с капюшоном да простое легкое платье, которое я не надевала уже года два. Большого нам никогда не требовалось. Зачем обрастать гардеробом и любимыми безделушками, если при очередном побеге половину придется выбро-

силь, чтобы не набивать кузов?

Спустя пять минут я уже спускалась по скрипучим деревянным ступеням. Старый дом живо отзывался на каждый мой шаг, будто постепенно просыпался вместе со мной.

Из кухни доносился не привычный горький чад пережженного придорожного кофе, а совершенно волшебный, почти забытый аромат — густой запах запеченных яблок, сладкой ванили и корицы.

Я удивленно замерла в дверном проеме. Отец стоял у кухонного острова. Перед ним на деревянной доске покоился пышный, еще истекающий горячим паром пирог с румяной, золотистой корочкой. На нем самом была чистая рубашка, но под глазами залегли темные круги — он либо вовсе не спал после своего ночного уезда, либо вернулся под самое утро.

— Ты... сам это приготовил? — настороженно спросила я, с подозрением переводя взгляд с выпечки на отца.

Он тихо, с легкой хрипотцой усмехнулся:

— Хотел бы я приписать себе эту заслугу. Но нет.

Отец кивнул на блюдо, слегка поджимая бескровные губы:

— Соседка заходила час назад. Принесла, пока ты спала. Сказала, у них в Милл-Крике так принято — встречать новых жителей домашней выпечкой.

Я подошла ближе и опустила взгляд на пирог. Тонкие, идеально уложенные ломтики яблок под прозрачной сахарной глазурью смотрелись как на картинке из кулинарного

журнала. Желудок тут же предательски заурчал, напомнив, что вчера я осталась без ужина.

Но вместо благодарности в груди вспыхнуло уродливое, липкое чувство. Недоверие.

Та самая рыжеволосая женщина, от взгляда которой вчера у отца перекосило лицо. Она принесла пирог? Зачем? Это попытка наладить контакт или способ проверить, реально ли мы обосновались здесь? Слишком давно никто не сделал для нас абсолютно ничего просто так. В моем мире за каждым проявлением бескорыстной доброты всегда крылся подвох, скрытый мотив или банальная попытка выведать, кто мы такие и откуда пришли.

— Не хочешь попробовать? — тихо спросил отец, наливая в кружку крепкий черный чай.

— Позже, — отрезала я, натягивая длинные рукава кофты на пальцы и наливая себе прохладной воды из-под крана.

Отец ничего не ответил. Лишь понимающе опустил взгляд в свою кружку. Мы слишком долго жили в режиме беспрерывной паранойи, чтобы любое проявление чужого тепла не казалось нам тщательно продуманной ловушкой.

Несколько минут мы «завтракали» в тяжелом молчании, нарушаемом лишь тиканьем старых ходиков на стене. Внезапно отец поднялся, ничего не сказав, и вышел в прихожую. Вернулся он спустя минуту, держа в руках тугую пачку банкнот, перетянутых потертой аптечной резинкой.

Он просто положил ее на деревянный стол передо мной.

Я удивленно воззрилась на зеленые купюры, а затем насупила:

— Что это?

— Купи себе одежду. И все, что понадобится к школе. Тетради, рюкзак... в общем, сама разберешься.

Я осторожно коснулась пальцами денег, на ощупь оценивая толщину пачки. Там было не меньше тысячи долларов. Все наличными.

— Пап... здесь слишком много. Нам нужны наличные на... крайний случай. Вдруг опять придется уезжать?

Он улыбнулся. Редкое, почти забытое зрелище — уголки его губ дрогнули, а вокруг глаз собрались лучики глубоких морщинок. Отец подошел ближе, выдвинул соседний стул и опустил тяжелую, мозолистую ладонь мне на плечо.

— Светлячок...

Я замлела, замерев на месте. Он не называл меня так с глубокого детства. Когда-то давно, когда мама еще была не просто туманным силуэтом из полузабытых снов, отец часто говорил, что я освещаю ему путь, даже если вокруг царит беспросветная тьма. Наверное, тогда он еще искренне верил, что сможет уберечь меня от своего прошлого.

— Светлячок... — повторил он уже тише, и его голос едва ощутимо дрогнул. — Мы дома. Больше бежать не нужно.

Это слово — «дома» — прозвучало из его уст настолько неуверенно, фальшиво и хрупко, словно он сам пытался убе-

дить себя в невероятной сказке.

Дома.

Странное, совершенно чужое для меня слово. Я никогда не понимала его истинного смысла. Разве дом — это четыре стены, крыша и палисадник с гортензиями? Или это конкретная точка на карте? Для меня дом всегда умещался в паре потертых сумок, брошенных на заднее сиденье «Форда».

Я молча кивнула, не желая разрушать его хрустальную иллюзию. Сгрэбла деньги, спрятала их в глубокий карман джинсов и подхватила с вешалки ключи от дома.

— Я пройду по городу. Куплю все к учебе.

— Будь осторожна, — бросил он вслед привычную инструкцию. — Не задерживайся. И не разговаривай с незнакомцами.

Утренний воздух Милл-Крика встретил меня оглушительной, кристальной свежестью. Пахло росой, скошенной клевером травой и нагретой древесиной. Где-то в верхушках кленов задорно перекликались птицы, а легкий ветерок лениво гонял по асфальту первые опавшие листья. Город изо всех сил старался казаться райским уголком, уверяя меня, что здесь мне ничего не угрожает.

Но я слишком хорошо успела изучить жизнь. Безопасных мест в этом мире просто не существует. Бывают лишь тер-

ритории, где опасность еще не успела сбросить маску.

Возле соседского дома кипела работа. Та самая рыжеволосая женщина в широкой соломенной шляпе и плотных садовых перчатках аккуратно подрезала пышные розовые кусты. Заметив меня, выходящую за калитку, она отложила секатор, распрямилась и тепло, совершенно искренне улыбнулась:

— Доброе утро, милочка!

Я невольно сжала кулаки в карманах и неловко кивнула, замкнувшись:

— Доброе.

— Пирог-то понравился? — прищурилась она, утирала лоб тыльной стороной ладони. — Яблоки свежие, из собственного сада! Я Нора, кстати.

Внутри меня кольнула острая, жгучая совесть. Я ведь даже не притронулась к ее угощению.

— Очень вкусный, — соврала я, и ложь далась неожиданно легко, прямо-таки отскочила от зубов. — Спасибо вам большое, Нора. Это наш любимый сорт.

Женщина просияла еще ярче, отчего мелкие веснушки на ее переносице собрались в забавный узор. Но в глубине ее светлых глаз на секунду опять мелькнула та самая въедливая цепкость.

— Ох, ну и славно! Если что-то понадобится — соль там, стремянка или просто совет по городку — не стесняйся, заходи. Я почти всегда в саду.

— Спасибо... — тихо выдавила я и поспешила прибавить шаг.

Я бежала от нее не потому, что она казалась опасной. Со всем наоборот. Она выглядела слишком настоящей. Слишком доброй. А к хорошим, открытым людям привязываешься мгновенно, даже не замечая этого. Я давно научилась возводить между собой и окружающими глухие стены — так гораздо проще уезжать, когда приходит время.

Центральная улица Милл-Крика выглядела точь-в-точь как на страницах глянцевого журнала. Старинные двухэтажные здания из красного кирпича, вымощенные тротуары, яркие маркизы над витринами. Вот пекарня с выставленными в окне плетеными корзинами, вот небольшая винная лавка, а чуть дальше — крошечный кинотеатр с винтажной вывеской.

Прохожие неспешно гуляли, здоровались друг с другом по именам, останавливались посудачить прямо посреди улицы. Никто не оглядывался через плечо. Никто не вглядывался в тонированные стекла проезжающих машин.

Я поймала себя на том, что мои плечи постепенно расправляются, а на губах появляется робкая, непривычная улыбка. *Может быть, в этот раз всё действительно будет иначе? Может, мы сможем...*

Я заставила себя оборвать эту мысль. Мечтать — смертельно опасно.

Первый магазин одежды, куда я зашла, абсолютно не попал в мое настроение. Продавщица с натянутой улыбкой предлагала мне кружевные блузки, пышные юбки и правильные, скучные джинсы. Я примеряла одну вещь за другой, но, глядя в зеркало примерочной, видела лишь ряженую куклу. Это была красивая одежда, но она принадлежала какой-то другой, правильной девушке, живущей нормальной, сытой жизнью.

В итоге я извинилась и быстро выскочила на улицу.

Через дорогу уютно расположилась маленькая кофейня. Оттуда доносился божественный, глубокий запах свежемолотой арабики. Потратив пару долларов из отцовской пачки, я взяла большой стакан латте с карамельным сиропом. Первый же обжигающий глоток отозвался приятным теплом внутри, и настроение моментально поползло вверх.

Со стаканом в руках я побрела дальше по улице и у самого ее конца наткнулась на неприметную витрину с надписью «Винтаж и Кэжуал».

Стоило мне переступить порог и услышать меланхолический звон колокольчика, как я сразу увидела *его*.

На манекене висел белый сарафан из легкой, почти невесомой ткани, ниспадающий мягкими волнами. А прямо поверх него была накинута потертая черная кожаная косуха с тяжелыми металлическими молниями. Дикое, абсурдное сочетание. Нежность и агрессия. Защита и уязвимость.

Но именно в этом комплекте я узнала себя.

Когда я переоделась в примерочной и взглянула в ростовое зеркало, у меня перехватило дыхание. На меня смотрела не беглянка без прошлого, скрывающаяся под блеклыми балахонами отца. Из зеркала смотрела настоящая Оливия — живая, дерзкая, немного сломанная, но настоящая.

Я купила этот наряд не раздумывая, сразу надев косуху на себя.

Остаток денег ушел на канцелярию в местном книжном магазине. Я набрала строгих тетрадей в плотных обложках, гелевых ручек и выбрала простой черный рюкзак из плотного канваса.

Когда все тяжелые пакеты оказались у меня в руках, возвращаться в пустой, давящий дом катастрофически не хотелось. Я свернула с оживленной улицы и ушла в глубину городского парка.

Здесь было прохладно и тихо. Вековые дубы и клены смыкали кроны высоко над головой, создавая спасительную тень. На аккуратных дорожках резвились дети, на скамейках дремали старики с газетами. Идиллия.

Пока эту тишину не разрезал резкий, возмущенный девичий голос:

— Эй! Отдай! Это совершенно не смешно, Крис!

Я замерла на дорожке. Первая реакция была автоматической, вдолбленной годами отцовских инструкций: *Иди мимо. Не твое дело. Пройди стороной.*

«Не вмешивайся, Лив. Держись в тени», — звучал в голо-

ве сухой голос отца.

Но следом за девичьим возгласом раздался гогочущий, надменный мужской смех, от которого внутри меня всё перевернулось.

Я осторожно сошла с асфальтовой тропинки и прикрылась пышным кустом гортензии. На небольшой поляне под тенистым дубом стояли трое. Растерянная заплаканная девушка и два парня. Один из них — высокий, в распахнутой рубашке — небрежно перекидывал из руки в руку изящный розовый смартфон, явно наслаждаясь своей властью над чужим отчаянием.

Я набрала в грудь воздуха и, сама от себя не ожидая такой прыти, громко и отчетливо произнесла:

— Эй. Верни ей телефон.

Реакция оказалась нулевой. Парни даже не соизволили обернуться, продолжая подшучивать над своей жертвой.

Я быстро огляделась по сторонам. На траве у моих ног лежала увесистая, сухая дубовая ветка длиной почти с мою руку. Не бог весть какое оружие, но лучше, чем ничего. Я нагнулась, перехватила дерево поудобнее и сделала шаг вперед:

— Я не привыкла повторять. Вернули телефон. Быстро. На этот раз меня услышали.

Высокий парень с телефоном медленно, с ленивой грацией развернулся. У него оказались густые темные волосы, правильные, словно выточенные из камня черты лица и совер-

шенно невыносимая, самодовольная ухмылка.

— Ого, — протянул он, смерив меня наглым взглядом с головы до ног, задержавшись на моей новой кожаной куртке.
— А ты еще что за местный мститель?

Я сжала палку с такой силой, что деревянные заусенцы больно въелись в ладонь.

— Твой худший ночной кошмар, если не отдашь вещь.

Он снова глухо усмехнулся, явно не воспринимая меня всерьез:

— Забавно.

— Телефон верни, клоун, — отрезала я, чеканя каждое слово.

Улыбка на его лице слегка замерла, а в темных глазах вспыхнул опасный, хищный огонёк. Он неторопливо, раскачиваясь с пятки на носок, пошел прямо на меня.

С каждым его шагом расстояние между нами таяло. Я осознавала одну простую, паршивую вещь: драться я не умела от слова «совсем». Моим главным навыком всегда был побег. Но отступать прямо сейчас, на глазах у плачущей незнакомки, было поздно и унижительно.

— Это ты меня сейчас клоуном назвала, новенькая? — тихо переспросил он, остановившись в паре шагов.

— Тебя, — я гордо вскинула подбородок. — Или ты вдобавок к плохому воспитанию еще и глухой?

Парень сделал еще шаг вплотную ко мне. Я невольно отступила назад, потом еще на шаг, пока спина с размаху не

уперлась в шероховатую, твердую кору старого дуба. Пути отхода были отрезаны.

— Смелая, значит? — он наклонился ближе, внимательно вглядываясь в мои глаза, а затем его взгляд медленно скользнул ниже, к моим рукам.

Я ненавидела этот липкий, сканирующий взгляд.

— Боишься? — шепнул он.

— С чего бы это?

— У тебя руки дрожат, «кошмар».

Черт. Он был прав. Дубовая ветка в моих пальцах ходила ходуном, выдавая с потрохами весь мой первобытный страх.

Он наклонился еще ближе — так, что я почувствовала дорогой, терпкий запах его парфюма с нотками бергамота, табака и сандала.

— Или, может быть... — уголок его губ пополз вверх, — я тебе просто чертовски нравлюсь?

Несколько секунд я смотрела прямо в его темные, уверенные в собственной безнаказанности глаза. Внутри меня закипала сумасшедшая, слепая ярость — на него, на отца, на всю мою нелепую жизнь в постоянных бегах и унижениях.

А потом...

Я прищурилась и со всей силы, с отвращением плюнула ему прямо в лицо.

Парень отшатнулся с диким, ошалевшим выдохом, утирая щеку рукавом:

— Какого хера?!

Но договорить он не успел. Я не стала ждать расплаты. Выронив палку и сжав пакеты с покупками так, что затрещали пластиковые ручки, я рванула с места.

Я бежала так, как не бегала, кажется, никогда в жизни. Ноги несли меня по парковым дорожкам, мимо изумленных прохожих, мимо витрин и заборчиков. Я не оглядывалась. Я не останавливалась, даже когда легкие начали жечь, как раскаленный огонь, а в боку кололо острой иглой.

Лишь прибежав на свою улицу и с размаху захлопнув за собой тяжелую входную дверь нашего дома, я наконец позволила себе опуститься на деревянный пол в прихожей и сделать первый глубокий, судорожный вдох.

Внутри была звенящая, мертвая тишина.

Отца снова не было. Его пикап отсутствовал на засыпанной гравием дорожке перед домом.

Впрочем... к этому мне было не привыкать.

Глава 4. Чужое имя и открытый вызов

Отец вернулся далеко за полночь.

Я не спала. Лежала на жестком, чужом матрасе с широко открытыми глазами и гипнотизировала темные, паутинистые трещины на потолке своей новой комнаты. Воздух казался слишком густым, напитанным запахом сырой древесины и старой краски. Сквозь приоткрытое окно доносился ровный, убаюкивающий стрекот цикад, а где-то на дальнем шоссе изредка пролетали одинокие автомобили, разрезая внутреннюю тишину шумом шин по асфальту.

А потом снизу донесся звук, от которого внутри всё привычно сжалось в тугой узел.

Хлопнула тяжелая входная дверь.

Едва слышные, осторожные шаги по скрипучим половицам прихожей.

Сухой шелест плотной куртки.

И наконец — сухой, металлический звон ключей. Отец всегда — с дотошной, почти болезненной педантичностью — бросал их в одну и ту же деревянную миску возле входа. Он вернулся. Живой. Один.

Я затаила дыхание, слушая, как он еще добрых минут десять ходил по первому этажу. В темноте, без света. Прове-

рял задвижки на окнах. Проверял массивный засов на задней двери. На несколько минут замирал у жалюзи, всматриваясь сквозь узкие щели на пустую, залитую бледным лунным светом улицу.

Это был его ежедневный, въевшийся в кровь ритуал ночного параноика. И только убедившись, что наша хрупкая временная крепость заперта на все замки, отец тяжело поднялся к себе на второй этаж и затих.

«Мы дома», — его утренняя фраза снова и снова крутилась у меня в голове, отдаваясь тупой, пульсирующей болью в висках.

Дом... Что это вообще такое?

Я перевернулась на другой бок, сжимая в кулаке холодный край простыни. Если это действительно наш дом, если мы правда приплыли к тихой гавани, почему отец до сих пор каждую ночь проверяет засовы, будто ждет вооруженного штурма? Почему вздрагивает от каждого резкого звука чужого мотора за окном? Почему судорожно прячет свою дешевую «раскладушку» с одноразовой сим-картой, стоит мне лишь переступить порог его кабинета?

Нет. Что-то здесь было катастрофически, невыносимо не так. С этой тревожной, липкой мыслью я в конце концов и провалилась в беспокойный, рванный сон.

Будильник на телефоне взвизгнул ровно в семь утра.

Первый учебный день. Снова новая школа. Снова чужие, откровенно оценивающие лица. Снова невыносимая роль

«новенькой», которую каждый встречный разглядывает под микроскопом, словно диковинный экспонат в кунсткамере.

Я лениво поднялась с кровати, ощущая свинец в веках и тяжесть во всем теле. На спинке стула уже висел вчерашний улов: легкий белый сарафан и поверх него — тяжелая, потертая черная косуха. Контраст нежности и брони.

Странно... Впервые за много лет мне действительно хотелось выглядеть красиво. Не спрятаться за бессмысленным серым оверсайзом, не раствориться в безликой толпе, а стать заметной. Хотя бы для самой себя. Или... для того, чтобы показать этому городу: я не жертва.

Быстро собравшись и ополоснув лицо ледяной водой, я спустилась на первый этаж. Из кухни плыл божественный, уютный аромат свежемолотого кофе и поджаренных тостов. Отец стоял у плиты в обычной футболке, колдуя над сковородой.

За последние шестнадцать лет подобная картина разворачивалась настолько редко, что я невольно застыла в дверном проеме, недоверчиво нахмурившись.

— Доброе утро, пап.

Он повернулся, вытирая руки кухонным полотенцем. На его усталом, изрезанном ранними морщинами лице проступила теплая, мягкая улыбка:

— Доброе утро, Светлячок.

Опять. Это забытое детское прозвище шаг за шагом возвращалось в наш обиход, словно отец изо всех сил пытался

склеить давно разбитую чашку нашего прошлого.

Я осторожно опустилась на стул, подтянув к себе кружку с обжигающим напитком. Несколько секунд между нами висела плотная тишина, разбавляемая только перекаливание масла на сковороде. Наконец я не выдержала и тихо, с затаенной надеждой спросила:

— Мы правда остаемся? По-настоящему?

Отец замер с лопаткой в руке. На этот раз он не отвел взгляд, как делал обычно, а посмотрел мне прямо в глаза:

— Да.

Этот ответ прозвучал удивительно твердо. Уверенно. Так, словно он сам окончательно поверил в произнесенное слово.

Но мое внутреннее чутье, натренированное годами бесконечных побегов, отчаянно бунтовало. Инстинкт самосохранения буквально орал внутри: *«Не привыкай! Не раскладывай вещи по полкам! Не заводи друзей! Не смей мечтать! Очень скоро прошлое снова догонит нас, и придется бежать без оглядки, бросив всё!»*

Я молча сделала глоток кофе, обжигая язык и пытаюсь заглушить этот внутренний крик.

— Кстати, — как бы между прочим проговорил отец, раскладывая яичницу по тарелкам. — Я вчера заскочил в центр. Записал тебя в местную автошколу. Занятия по вечерам, один раз в неделю.

Я чуть не поперхнулась горячим глотком:

— Что? В автошколу?

— Будешь получать водительские права. Тебе шестнадцать, самое время. Машину мы тебе, конечно, сразу не купим, но навык лишним не будет.

Я несколько секунд молча переваривала услышанное. Права? Серьезно? Нам никогда не удавалось задержаться на одном месте дольше, чем на пару месяцев. Зачем тратить деньги и время на автошколу, если завтра мы можем мчаться на предельной скорости в другой штат под новыми именами?

Неужели... он действительно намеревается пустить здесь корни?

— Хорошо, — тихо пробормотала я, опустив взгляд в кружку. — Спасибо, пап.

Больше слов у меня не нашлось.

До школы Милл-Крик оказалась всего пятнадцать минут неспешного шага.

Городок постепенно пробуждался от ночной прохлады. Владельцы кофеев с тихим поскрипыванием подкручивали яркие полосатые маркизы, на свежевывмытых тротуарах появлялись первые прохожие с собаками, а мимо меня по проезжей части со смехом проносились стайки школьников на велосипедах.

Милл-Крик казался настолько безмятежным, пряничным и отутюженным, что вчерашний инцидент в парке в какой-то момент показался мне глупым, дурным сном.

Почти сном.

Стоило мне вспомнить наглую ухмылку того парня с темными волосами и его развязный, самоуверенный тон — «*Или я тебе просто чертовски нравлюсь?*» — как кулаки в карманах косухи сжимались сами собой. Напыщенный, самодовольный идиот. Наверняка привык, что все местные девчонки смотрят ему в рот и пресмыкаются за один только взгляд.

Я невольно хмыкнула про себя. Интересно, сколько времени он вчера оттирал с лица мое отчаянное «приветствие»? И понял ли он хотя бы со второй попытки, что забраться в чужой телефон и издеваться над девчонкой — это не круто, а низко?

В административном корпусе старшей школы Милл-Крик меня первым делом проводили в кабинет директора. Стандартный, усыпляющий ритуал: формальные вопросы про прошлую школу, проверка поддельной выписки оценок, росписи на бланках, шаблонные напутствия и пожелания удачи в новом коллективе. Я прошла через это с автоматической, вежливой улыбкой, будто отыгрывала эту роль уже в сотый раз.

Впрочем... так оно и было.

Когда над длинными коридорами гулко прозвенел первый звонок, директор лично проводил меня до нужного кабинета на втором этаже.

— Не волнуйся, Эмма, — добродушно улыбнулся он, взявшись за дверную ручку. — Ребята у нас отзывчивые, быстро адаптируешься.

Если бы он только знал, сколько раз в жизни я слышала эту чушь.

За дверью мгновенно смолк гул десятков голосов. Десятки пар глаз одновременно уставились на меня, моментально считывая и оценивая каждый сантиметр моего внешнего вида.

— Доброе утро, класс, — произнес учитель литературы, поднимаясь из-за стола. — Сегодня к нашему коллективу присоединилась новая ученица.

Я сделала глубокий вдох, выпрямила спину и шагнула через порог, чувствуя, как кожа на затылке горит под чужими пытливыми взглядами.

— Эмма. Проходи, не стесняйся.

Эмма.

Каждый раз, когда меня наказывали этим именем, внутри всё болезненно сжималось. Почти всю свою жизнь для самой себя я оставалась Оливией. Но пару месяцев назад отец в очередной раз сменил наши метрики, паспорта и страховки. Новая фамилия, новое имя, новый фасад. Вот только под этим чужим чучелом имени внутри я всё равно оставалась той же сломанной, никому не доверяющей Оливией.

— Эмма переехала к нам из штата Огайо, — продолжал вещать учитель, сверяясь с распечатанной карточкой.

Если бы они только знали... Сколькими штатами мне при-

ходилось представляться за последние годы. Огайо, Колорадо, Невада, Канзас. Я могла бы составить целую личную географическую карту из одной только логи.

— Можешь занять любое свободное место, — кивнул учитель.

Я быстро окинула взглядом ряды парт. Самый дальний стол у окна. Свободно. Идеально — оттуда отлично просматривается и весь класс, и школьный двор на случай, если придется уходить через окно.

Я подошла, сбросила сумку на стул и уже собиралась опуститься на деревянную скамью, как вдруг тяжелая дверь кабинета с грохотом распахнулась, заставив половину класса вздрогнуть.

— Извиняться за опоздание сегодня опять не входит в ваши планы, мистер Блейк? — утомленно вздохнул учитель, даже не поднимая головы от журнала.

В кабинет вальяжно вошли двое парней. Входили громко, с той особой, наглой уверенностью хозяев жизни, которые абсолютно убеждены, что школьные правила писаны для кого угодно, только не для них.

Я подняла глаза... и сердце мгновенно упало куда-то в область желудка.

Тот самый.

Парень из парка. Темные растрепанные волосы, расстегнутая на пару пуговиц верхняя рубашка и та же самая грация сытого хищника. Вслед за ним плелся его приятель — вто-

рой участник вчерашней экзекуции над чужим телефоном.

Взгляд брюнета скользнул по рядам и намертво зафиксировался на мне. На какую-то долю секунды на его породистом, холеном лице промелькнуло искреннее замешательство. Но уже в следующий миг уголок его губ медленно пополз вверх, превращаясь в знакомую, бесячую ухмылку.

— Надо же... Какая встреча, — тихо протянул он бархатым голосом, абсолютно игнорируя учителя, и шагнул прямо к моей парте. — Вообще-то, «кошмар», это наше постоянное место.

Я сжала края деревянной столешницы так, что побелели костяшки, и снизу вверх посмотрела в его темные, глумливые глаза:

— Место бывает у собаки. А эта парта была свободной, когда я сюда села.

По классу пронесся тихий, изумленный вздох.

Второй парень, подошедший следом, наконец разглядел мое лицо вблизи. Его глаза комично округлились, а челюсть слегка отвисла:

— Черт... Бро, это же она! Та сумасшедшая с веткой из парка!

— Да ты что, — с ленивым ядом отозвался парень, не сводя с меня въедливого взгляда. — А я и не заметил.

Учитель за столом тяжело, мученически вздохнул и постучал ручкой по столу:

— Я очень рад, мистер Блейк, что вы уже успели сойтись

с Эммой, но не могли бы вы перенести свои светские беседы на перемену? Быстро заняли свободные места!

Несколько секунд в классе царила звенящая, напряженная тишина. Никто не шевелился. Парень продолжал гипнотизировать меня сверху вниз, словно проверяя, насколько быстро у меня сдадут нервы и я закачу истерику.

А затем он неожиданно наклонился, бесцеремонно схватил мой рюкзак за лямку и молча переставил его на соседний ряд.

— Теперь твое место там, новенькая, — произнес он с такой откровенной провокацией в голосе, будто только и ждал, когда я сорвусь.

Внутри всё закипело от ярости. Мне безумно хотелось подскочить, забрать свой рюкзак и высказать этому павлину всё, что я думала о нем, его дружке и его раздутом эго.

Но в голове вовремя вспыхнуло строгое отцовское напутствие, вдолбленное годами: *«Не влезай в неприятности, Оливия. Будь невидимой. Не привлекай внимания»*.

Я сделала один глубокий, выравнивающий дыхание вдох, молча поднялась, забрала свой рюкзак и пересела за соседний стол. Подальше от него.

Сдержись. Просто сдержись. Это всего лишь школа.

Вот только, кажется, неприятности в этом городке плевать хотели на мои планы. И они нашли меня в первый же день.

Первый урок прошел на удивление спокойно.

Если не считать, конечно, постоянного, назойливого внимания этого клоуна из парка.

Каждый раз, когда я отрывала взгляд от тетради, он уже смотрел на меня. Не скрываясь, не отводя глаз, без малейшего смущения. На его лице застыла ленивая, сканирующая уверенность — парень словно пытался препарировать меня взглядом, разгадать, из какого теста слеплена эта дерзкая новенькая.

А на переменах он откровенно и филигранно выводил меня из себя.

То проходил в узком коридоре слишком близко, задевая мое плечо своим, отчего в воздух поднимался тот самый знакомый аромат сандала и бергамота. То бросал через плечо какую-нибудь ядовитую колкость, понятную только нам двоим. То специально, слишком громко и демонстративно хотел с друзьями, стоит мне пройти мимо.

К концу первой половины дня у меня сложилось четкое ощущение, что этот парень существует в этой школе исключительно ради одной цели — разрушить мое нервное равновесие.

Но если этот павлин рассчитывал увидеть в моих глазах испуг, дрожь или слёзы, то он катастрофически просчитался. Мы с отцом слишком долго жили в бегах, на грани выживания, чтобы какой-то самодовольный школьный красавчик смог меня сломать.

Отец утром сказал, что здесь наш дом. И если это хотя бы

на четверть правда... значит, пора перестать убегать. С меня хватит.

Следующим по расписанию значился урок химии.

Когда я вошла в кабинет, наполненный душным светом полуденного солнца, «клоун» уже вальяжно восседал за последней партой возле окна. Один. Место рядом с ним демонстративно пустовало, словно было зарезервировано. Еще один свободный стул находился рядом с его вчерашним приятелем.

— Эмма, присаживайся на любое свободное место, — бросила учительница, не отрываясь от классного журнала.

Я прекрасно видела, как он лениво откинулся на спинку стула и заложил руки за голову. На его лице расцвела едва заметная, торжествующая усмешка. Он был на сто процентов уверен, что под тяжестью его авторитета и чужих взглядов я капитулирую и сяду с ним.

Я даже не удостоила его взглядом.

Спокойно, чеканя каждый шаг на виду у замершего класса, я прошла вдоль рядов и опустилась за парту рядом с его другом.

Краем глаза я уловила, как на его лице что-то дрогнуло. Улыбка мгновенно слетела, а темно-карие глаза сузились. Совсем чуть-чуть, на долю секунды — но мне этого хватило с лихвой. Маленькая, но чертовски приятная победа: осо-

знавать, что заставить врасплах можно не только меня.

Парень рядом со мной тут же повернул голову и снисходительно улыбнулся.

— Лиам, — протянул он ладонь, обтянутую кожаным браслетом.

Я сдержанно пожала его пальцы:

— Эмма.

— Рад знакомству, Эмма.

Лиам беззаботно закинул руку на спинку моего стула. Он не касался моих волос или плеч, но сам жест выглядел слишком показным, намеренно развязным. Словно он играл не для меня, а для зрителя на заднем ряду.

Я скосила взгляд на этого павлина. Тот не спускал с нас глаз. В его взгляде уже не было прежнего глумливого ребячества — там залегла тяжелая, вязкая и очень опасная внимательность.

«В игры играете?» — подумала я про себя, ощущая, как в жилах закипает чистый азарт.

Ну что ж... Посмотрим, кто из нас в итоге вылетит с поля.

В этот момент учительница прочистила горло и начала громко зачитывать список класса:

— ...Фостер, Харрис, Хьюз... Эмма Уилсон?

Каждый раз, когда вслух произносили это имя, внутри меня всё привычно протестовало и сжималось.

Эмма.

Оно казалось чужим, холодным, абсолютно безликим ярлыком, наклеенным поверх моей настоящей жизни. Мама назвала меня Оливией. В редких детских воспоминаниях, хранящих тепло ее рук и запах сухой лаванды, мама шептала, что Оливия означает «оливковая ветвь» — древний символ мира и спокойствия.

Жаль только, что настоящего мира в моей жизни не было ни единого дня.

— Эмма Уилсон здесь? — строго повторила учительница.

Я резко подняла голову:

— Здесь.

Нужно привыкать к этой фальшивке. Хотя бы ради отца. Хотя бы на какое-то время.

Лиам слегка наклонился ко мне, обжигая ухо теплым дыханием:

— Кстати, Эмма... Сегодня вечером у меня дома намечается вечеринка. Собирается вся параллель. Приходи.

Я даже не повернула головы в его сторону, продолжая аккуратно конспектировать тему в тетради:

— Не люблю такие мероприятия.

— Что, правильная девочка? — в его голосе проскользнула легкая насмешка.

Теперь я повернулась и посмотрела ему прямо в глаза — твердо, без тени кокетства или смущения:

— Нет. Просто делать там нечего.

Я специально подалась чуть вперед, сокращая дистанцию, чтобы он четко понял: меня не получится смутить или запугать дешевыми уловками. Хотя под кожаной курткой сердце отсчитывало безумные ритмы, а кончики пальцев леденели от напряжения.

Лиам неожиданно коротко, искренне рассмеялся:

— А ты интересная. С характером.

Я боковым зрением видела, с каким откровенным жжением «клоун» въедался в наш диалог. Воздух вокруг его парты, казалось, можно было резать ножом.

— Как его полное имя? — вполголоса спросила я у Лиамы, кивнув в сторону окна.

Лиам даже не стал уточнять, о ком речь. Он выдержал паузу и тихо ответил:

— Кристофер. Крис Блейк.

Он перевел взгляд на друга, а затем снова на меня:

— Только мой тебе совет, новенькая: не стоит с ним играть. Крис этого не любит.

— И почему же?

— Он до сих пор отлично помнит, как ты вчера в парке плеснула ему ядом прямо в лицо.

Я не удержалась и уголками губ зацепила легкую, торжествующую улыбку:

— Заслужил. Каждым своим словом.

Лиам хмыкнул, качая головой:

— Смело. Честно говоря, в этой школе еще никто и нико-

гда не позволял себе ничего подобного в его адрес.

— Значит, давно пора было разбавить его идеальную жизнь, — отрезала я.

— Так это реально была ты?! — неожиданно раздался звонкий, эмоциональный шепот из-за соседнего прохода.

Я обернулась. На ряду наискосок сидела симпатичная девушка: волнистые темные волосы, карие глаза и яркая кофта. А на краю ее стола лежал тот самый изящный розовый смартфон, из-за которого вчера и разгорелся весь сыр-бор.

Это была она. Девушка из парка.

Она посмотрела на меня и искренне, тепло улыбнулась:

— Спасибо тебе огромное!

Я смутилась, не ожидая такой бурной реакции:

— Да за что? За телефон?

— Если бы не ты и твоя сумасшедшая ветка... я даже не знаю, чем бы всё закончилось. Крис и Лиам вчера совсем берега попутали.

Я лишь небрежно пожала плечами:

— На моем месте любой поступил бы так же.

Девушка тихо, с горькой иронией рассмеялась:

— Ох, поверь мне... Далеко не любой. Здесь его все боится.

В этот момент шепотки вокруг нас начали разрастаться, словно круги по воде. В классе мгновенно стало слишком

тихо, а затем по рядам пополз гул. Я физически ощутила, как на меня направились десятки любопытных, шокированных взглядов. Кто-то шушукался за открытыми учебниками, кто-то переводил ошарашенные глаза с меня на заднюю парту.

— Слышь, она реально говорит про вчерашнее? — донесся чей-то въедливый шепот с передних рядов.

— Серьезно? Кто-то реально умыл Блейка?!

Кто-то из парней сбоку не выдержал и тихо, прыскавая в кулак, засмеялся.

Я медленно повернула голову к окну.

Крис сидел абсолютно неподвижно. На его выточенном лице не проступило ни капли злости, ни тени привычной надменной ухмылки. Только звенящее, пронизывающее насквозь холодное спокойствие.

Он встретился со мной взглядом. И впервые за весь день заговорил — громко, гулко, перекрывая шепот класса:

— Знаешь, новенькая...

Разговоры мгновенно стихли. Класс замер, боясь пропустить хоть единое слово.

— Обычно люди очень быстро жалеют, когда становятся моими врагами, — чеканя каждую букву, произнес Крис.

Я выдержала его тяжелый, давящий взгляд, не позволив себе даже моргнуть:

— Значит, тебе придется стать первым, кто пожалеет сам.

В кабинете истории повисла настолько оглушительная, мертвая тишина, что стало слышно, как за окном легкий сен-

тябрьский ветер шумно треплет пышные листья кленов.

А через секунду над коридором пронзительно зазвенел звонок на перемену. Но никто в классе — ни ученики, ни мы с Крисом — даже не шелохнулся.

Глава 5. Цена чужого благородства

— Я хоть и сволочь, новенькая... — тихо, почти не размыкая губ, произнес Лиам, проходя мимо меня на выходе из кабинета истории. — Но мой тебе совет: теперь ходи и оглядывайся.

Он бросил это едва слышным шепотом, проскользнув мимо так умело, чтобы ни один из одноклассников, со смехом застегивающих рюкзаки, ничего не заметили. А затем быстро растворился в дверном проеме.

Я замлела с ручкой в руке, чувствуя, как внутри медленно оседает липкая тревога. Медленно перевела взгляд на конец класса.

Крис даже не собирался уходить. Он стоял у высокого окна, прислонившись спиной к прохладному подоконнику и скрестив руки на груди. В его темно-карих, почти черных глазах не было ни прежней глумливой улыбки, ни показной насмешки, которой он щедро одаривал всех вокруг. Только ровная, вязкая, пугающая глубина. Он просто смотрел на меня. Долго. Не моргая.

«Кажется... игра действительно началась. И правила в ней буду устанавливать не я», — пронеслась в голове холодящая мысль.

Следующая перемена оказалась шумной и хаотичной.

Школьные коридоры заполнились гулом сотен голосов, громким смехом, стуком каблуков и металлическим грохотом хлопающих дверок индивидуальных шкафчиков. Я пробиралась сквозь эту пеструю, чужую толпу, крепче сжимая в пальцах листок с расписанием и пытаюсь сориентироваться в бесконечном переплетении этажей. После спокойной жизни в глуши этот улей казался мне диким и враждебным.

Внезапно правое плечо обожгла острая, пронизывающая боль.

Чьи-то пальцы стальной хваткой вьелись в мое предплечье через плотную ткань кожаной куртки. Сжали так сильно, что на кости наверняка останутся синяки. От неожиданности и вспыхнувшего прострела в мышцах я невольно вскрикнула, потеряв равновесие:

— Отпусти! Ты сошел с ума?!

Ответа не последовало.

Крис даже не удостоил меня взглядом. Молча, с каменно-застывшим, почти хищным лицом он волок меня за собой по длинному коридору, расталкивая толпу учеников с той непринужденной, опасной властью, будто весь этот школьный корпус принадлежал его семье.

Подростки вокруг мгновенно расступались, образуя живой коридор. Кто-то удивленно охал, кто-то со злорадным смешком переглядывался, а парочка особо прытких парней из старших классов уже вытащила телефоны, наводя камеры

на разворачивающуюся драму.

Я пыталась вырваться. Извивалась, упиралась ногами в глянцевый линолеум, пробовала ударить его свободной рукой по локтю — все безрезультатно. Его хватка была из литого железа. Было видно: этот парень привык добиваться своего силой.

— Крис, черт тебя дери, отпусти! — прошипела я, чуя недоброе и чувствуя, как к горлу подступает тошнотворный волчий страх.

Вместо ответа он рывком распахнул тяжелую деревянную дверь узкой хозяйственной подсобки, куда обычно складывали инвентарь для уборки. И с отвратительной, холодной силой толкнул меня внутрь.

Я отлетела в глубину помещения, больно ударившись бедром о какую-то полку, и еле удержалась на ногах. Дверь тут же с оглушительным треском захлопнулась.

Щелк.

По ту сторону повернулся тяжелый металлический засов. И на меня обрушилась темнота. Густая, непроницаемая, абсолютная темнота без единого лучика света.

Я замерла, боясь сделать даже полувдох. В груди всё обрывалось.

«Нет. Пожалуйста... Только не это. Только не замкну-

тая темнота...»

Я медленно, на негнущихся, деревянных ногах отступала назад, пока лопатки не уткнулись в холодную, шершавую штукатурку стены. Кончики пальцев судорожно цеплялись за неровности стены, пытаюсь найти хотя бы какую-то опору в мире, потерявшем горизонт.

«Это всего лишь школьная подсобка, — отчаянно шептал разум, пытаюсь пробиться сквозь подступающий шум в ушах. — Ты уже не маленькая девочка. Тебе шестнадцать. Успокойся. Сделай вдох. Это просто Крис. Просто глупая школьная месть».

Но тело разорвало этот приказ на куски. Древний, животный панический страх оказался сильнее взрослой логики. Сердце заколотилось о грудную клетку с такой безумной, разрывающей силой, будто пытались сломать ребра. Воздух в тесной камерке мгновенно стал тяжелым, раскаленным, непригодным для дыхания — он пах старой пылью, хлоркой и мокрыми тряпками, выжигая легкие. В ушах со звоном пульсировала кровь.

А перед глазами — яркими, клейкими, отвратительными вспышками — проступили картины, которые я годами сжигала в самых глубоких колодцах своей памяти.

Ночь. Пронзительный, разрезающий темноту женский крик. Звон выбитого оконного стекла.

Грубые, тяжёлые ботинки, ломающие паркет в нашем старом доме.

Мама... Напуганная, бледная, закрывающая меня своим телом в углу детской.

Глухой, тошнотворный удар. Отец, который орет на каких-то чужих, тёмных мужчин, а они рычат ему в ответ: — Деньги! Где деньги, сука?!

Еще один удар. Грохот выстрела. Яркая, ослепительная вспышка порохового огня, разрезающая мрак.

Кровь. Тёплая, липкая, пахнущая железом... И слабеющие мамины пальцы, которые медленно соскальзывают с моей детской ладони.

— Мама... — сорвался с моих губ беспомощный, детский хрип.

Я резко прижала ладонь к рту, давя судорожный, рвущий горло всхлип.

«Нет. Этого больше нет. Это было одиннадцать лет назад. Это прошло. Ты выжила. Ты здесь».

Но фантомная паника уже полностью завладела разумом. Ноги окончательно подкосились, потеряв опору, и я сползла по стене на пыльный пол, сжавшись в тугую комок и прижав

колени к подбородку. Крупные, горячие слезы сами собой покатались по щекам, застревая в волосах.

Я не плакала много лет. Отец жестко вбивал в меня с самого детства: слезы — это слабость, а слабых в нашем мире ломают и выбрасывают, как мусор. Но сейчас, в этой непроглядной тьме, заменяющей воздух памятью о крови, некому было показывать силу.

Я теряла счет времени. Сколько я просидела там, задыхаясь, цепenea и судорожно глотая ртом сухой воздух? Пять минут? Десять? Вечность?

Внезапно за дверью донеслись быстрые, тяжелые шаги. Кто-то решительно, без колебаний дернул внешнюю защелку.

Щелк.

В щель распахнувшейся двери хлынул яркий, болезненной полосой дневной свет. Я невольно зажмурилась, закрывая лицо руками, а в образовавшемся проеме обрисовался высокий, широкоплечий силуэт.

Парень.

Он не стал с ходу задавать глупых вопросов. Не бросился ко мне с паническими расспросами и шумным сочувствием. Он просто сделал шаг внутрь и тихо, очень плавно прикрыл за собой дверь, оставив лишь узкую, мягкую щелочку света.

В помещение снова воцарился полумрак. Наверное, он

интуитивно мгновенно всё понял — взглянув на мою сжатую на полу фигуру. Я боялась не столько самого тесного пространства, сколько резкого всплеска света и шума, за которым в моем подсознании всегда следовал кошмар.

— Ты в порядке? — раздался в тишине его спокойный, глубокий и удивительно бархатистый голос. В нем не было фальши.

Я быстро, судорожно вытерла влажные щеки рукавом кофты, пытаюсь вернуть голосу хоть какую-то твердость и привычную колючесть:

— Да. В полном.

Парень в темноте тихо, без злого сарказма или насмешки усмехнулся:

— Самая неправдоподобная ложь из всех, что я слышал за последнюю неделю.

Несколько секунд он молчал, давая мне время прийти в себя и привыкнуть к его присутствию. Затем послышался шелест плотной ткани, и он бесшумно опустился на пол неподалеку. Не рядом — он оставил между нами почти метр дистанции, уважая мои границы и не пытаясь вторгнуться в личное пространство.

— Держи.

В полумраке я почувствовала, как его теплые пальцы осторожно коснулись моих и вложили в ладонь чисто выстиранный, аккуратно сложенный тканевый платок.

— Спасибо... — шепнула я, вытирая мокрые дорожки на

лице и чувствуя, как стыд смешивается с облегчением.

— Не за что.

Мы сидели в тишине. Он не расспрашивал, что произошло. Не пытался жалеть. Не произносил тошнотворных дежурных фраз вроде «всё будет хорошо, успокойся». И именно эта молчаливая, надежная отстраненность почему-то подействовала лучше любого лекарства. Внутренний колотун начал отступать. Сердце снизило свой сумасшедший ритм.

Через пару минут мое дыхание наконец выровнялось, стало ровным и глубоким.

— Лучше? — тихо спросил он.

Я кивнула. А потом сообразила, что в полутьме подсобки он этого не увидит, и прочистила горло:

— Да. Намного.

Парень поднялся первым — легко, бесшумно, с непринужденной грацией спортсмена. И только после этого протянул мне широкую ладонь:

— Пойдем отсюда. Тебе нужен свежий воздух.

Я воззрилась на его руку. Внутри все еще боролись остатки привычной настороженности и недоверия ко всему миру — ведь в этой школе каждый второй казался врагом. Но в итоге я вложила свои пальцы в его ладонь.

Его рука оказалась сухой, очень теплой и уверенной. Он без видимых усилий потянул меня вверх, помогая подняться на ноги, а затем шире распахнул дверь.

Я невольно зажмурилась от яркого света, ударившего по

глазам.

В коридоре возле подсобки уже собралась внушительная толпа учеников — слухи в школах распространяются со скоростью пожара. В первых рядах, застыв каменными изваяниями, стояли Лиам, напуганная девушка из парка, которая вчера так странно смотрела на меня и сам Крис.

Парень, выведший меня из темноты, даже не думал отпустить мою руку. Напротив — он сжал мои пальцы чуть крепче, словно давая понять, что я под защитой и бежать некуда.

Он спокойно, без тени страха или суеты перевел свой прямой взгляд прямо на Криса:

— Еще раз хоть кто-нибудь из вас тронет её... — его голос прозвучал тихо, но в нем пролегла такая сталь, что коридор мгновенно вымер, погрузившись в мертвую тишину. — Будете иметь дело со мной. Лично.

Никто не посмел засмеяться. Никто не выкрикнул едкую колкость.

Я медленно подняла голову и впервые смогла как следует рассмотреть своего спасителя при нормальном освещении.

Высокий. Темноволосый, с аккуратной короткой стрижкой. Широкоплечий, спортивного телосложения — судя по осанке и развороту плеч, из местной баскетбольной команды. У него были удивительно серые, спокойные глаза и открытое, честное выражение лица. В нем не было ни капли желания красоваться перед толпой или строить из себя

«крутого парня». Он выглядел человеком, который просто не привык проходить мимо чужой беды.

— Ты как, Эмма? — тихо пробормотал Лиам, переступая с ноги на ногу и избегая смотреть ему прямо в глаза.

Но я полностью проигнорировала его. Лишь перевела взгляд на Криса. Впервые за все время на его лице не осталось и следа привычной, царапающей улыбки. Он стоял, сжав челюсти до желваков, и молча, с какой-то дикой, затаенной яростью смотрел на наши сцепившиеся руки.

Мы отошли от шумящей толпы только тогда, когда гул школьного коридора остался далеко позади, сменившись прохладной тишиной рекреации возле библиотечного крыла.

Едва мы оказались в относительном одиночестве, я резко выдернула свою руку из его ладони, ощущая, как кожу в месте контакта всё еще обжигает чужое тепло.

— И зачем ты устроил весь этот публичный спектакль? — выпалила я, скрестив руки на груди и упрямо вздернув подбородок.

Парень остановился и спокойно посмотрел на меня. В его серых глазах не проскользнуло ни тени обиды или удивления, будто он заранее знал, что яотреагирую именно так — с ежовыми иголками наружу.

— Правильно, — ровно произнес он, слегка качнув голо-

вой. — Не благодари.

Я нахмурилась, чувствуя, как внутри снова закипает привычное защитное раздражение:

— Я серьезно. Зачем нужно было устраивать эту драму на весь коридор? Что это за сцены защиты?

— А я тоже серьезно, — он неспешно засунул руки в карманы спортивных брюк. — Просто запомни одну простую вещь, новенькая. Никогда и никого не благодари за то, что тебя защитили.

Я недоверчиво хмыкнула:

— Это еще почему?

— Потому что однажды человек может решить, что за эту защиту ты ему теперь что-то должна. А должников никто не любит.

Я на несколько секунд замялась, переваривая его слова. Странная философия. Очень жесткая, прагматичная и явно выстраданная на собственном горьком опыте. Хотя... если подумать о мире, в котором я прожила последние годы с отцом, в его словах крылась чертовски правдивая доля истины. В нашей жизни бесплатно не помогал никто.

— Меня Ол... Эммой зовут, — запнулась я, мысленно отругав себя за опасную оговорку (мое настоящее имя едва не сорвалось с языка из-за стресса). — Эмма.

Он едва заметно повел уголком губ:

— Мэйсон.

— Ты вроде не из нашего класса, — я окинула взглядом

его высокие плечи и уверенную станку. — Старше?

— На год.

— Тогда почему вообще вмешался? Тебе-то какое дело до новенькой, которую закрыли в подсобке?

Мэйсон слегка пожал плечами, посмотрев куда-то в сторону арочного окна:

— Потому что терпеть не могу, когда толпой нападают на одного. Особенно когда этот «кто-то» считает себя хозяином школы.

Я хотела жестко ответить, что прекрасно могу постоять за себя сама и в няньках не нуждаюсь, но Мэйсон неожиданно сделал шаг ближе и негромко произнес:

— Кстати. Будь готова к тому, что теперь абсолютно весь корпус будет свято уверен, что ты моя девушка.

Я резко застыла, уставившись на него во все глаза:

— Что?!

— Ты прекрасно слышала.

— Нет, подожди... — я даже руками всплеснула от абсурдности ситуации. — Я не собираюсь быть ничьей фальшивой девушкой! Тем более твоей. Я тебя знаю ровно пять минут!

Мэйсон абсолютно спокойно снес мой всплеск эмоций:

— Я тоже, поверь, не горю желанием встречаться с первой попавшейся незнакомкой, у которой проблемы с нервами.

Я растерянно моргнула, отпевая остатки логики в этом разговоре:

— Тогда зачем ты выкинул это перед всей школой?!

— Затем, что статус рядом со мной снизит градус внимания к твоей персоне процентов на восемьдесят. К тебе просто перестанут лезть мелкие сопляки вроде Лиама и его компании.

Я упрямо скрестила руки на груди:

— А если всё-таки полезут?

— Тогда они будут иметь дело со мной.

— Меня это категорически не устраивает! Я не привыкла прятаться за чужие спины!

— Зато меня это устраивает. Так проще удерживать порядок, — сухо отрезал он.

Я недовольно фыркнула, взъерошив темные пряди волос:

— Слушай... Спасибо, конечно, за то, что вытащил из той чертовой каморки. Правда, спасибо. Но изображать твою девушку я не собираюсь. Пусть задирают. Пусть хоть войну объявят. Я как-нибудь переживу. И не с таким справлялась.

Мэйсон остановился и внимательно, оценивающе вьелся взглядом в мое лицо, будто видя меня насквозь — со всеми моими страхами, слезами и глупой гордостью:

— Ты действительно настолько упрямая?

— Нет, Мэйсон, — улыбнулась я самой ядовитой из своих улыбок. — Я еще хуже.

Он тихо усмехнулся.

И именно в этот момент за нашими спинами раздался знакомый, ледяной голос, от звука которого по коже прошел мо-

роз:

— Мэйсон.

Мы одновременно обернулись.

По пустому коридору к нам неспешно шел Крис. Медленно, чеканя каждый шаг тяжелыми ботинками, с руками, глубоко засунутыми в карманы потертых джинсов. Его темно-карие глаза намертво прилипли к Мэйсону, игнорируя всё остальное пространство.

Кристофер остановился буквально в шаге от нас. Между ними ощутимо искрило — напряжение было настолько плотным и густым, что воздух казался тяжелым, словно перед первой летней грозой.

— Что за дешевый цирк ты устроил у всех на глазах? — с порога прошипел Крис.

Мэйсон даже в лице не изменился. Ни один мускул не дрогнул на его обычно непроницаемом лице:

— Никакого цирка.

— Тогда объясни мне, какого черта ты вмешиваешься в мои дела? — Крис подался вперед, сжимая кулаки в карманах.

— Затем, что мне до тошноты надоело смотреть, как ты в очередной раз самоутверждаешься за счет тех, кто не может ответить тем же, — ровно и четко проговорил Мэйсон.

В глубине глаз Криса вспыхнуло откровенное, бешеное раздражение:

— Она новенькая! Она со вчерашнего дня напрашивает-

ся!

— И именно поэтому нужно закрывать её в темной подсобке? — Мэйсон сделал шаг навстречу Крису, окончательно перекрывая меня своей широкой спиной. — Запомни, Крис. Еще раз подойдешь к моей девушке — разговор будет другим.

На несколько секунд в коридоре повисла оглушительная, звенящая тишина.

А затем Крис внезапно и громко, надрывно рассмеялся. Этот смех прозвучал абсолютно фальшиво, сочно и зло.

— Твоей девушке? — он перевел ядовитый взгляд из-за плеча Мэйсона прямо на меня. — Серьезно? Ты притащил в школу эту дикарку и решил поиграть в благородство?

Я тяжело, устало выдохнула, чувствуя, как от их петушиных боев у меня начинает раскалываться голова.

— Вообще-то... — громко проговорила я, сделав шаг в сторону, чтобы вынырнуть из-за спины Мэйсона. — Я всё еще здесь стою. И если вы оба вдруг забыли или растеряли свои мозги по дороге... я не предмет. Не приз. И уж точно не вещь, которую можно делить между собой!

Оба парня одновременно повернули головы ко мне, искренне опешив от такой наглости.

— А ты, — я сделала шаг прямо к Крису, встретившись с его темным взглядом своим упорным, горящим взором. — Если вчерашнего плевок в парке тебе оказалось мало, чтобы понять простые вещи, я без проблем могу повторить. Опыт

у меня имеется.

В уголках губ Криса на секунду дрогнула его знакомая, надменная ухмылка:

— Такая смелая, новенькая?

— Нет, — отрезала я. — Просто терпеть не могу самовлюбленных идиотов, которые думают, что им принадлежит весь мир. Разбирайтесь сами со своими проблемами. Я в этом участвовать не собираюсь.

Я развернулась, подхватив лямку рюкзака, и быстро пошла прочь по коридору.

Сделав десяток быстрых шагов, я свернула за угол рекреации, но не удержалась и замерла, прижавшись спиной к прохладной стене. Сердце колотилось. Какая-то странная, неопределенная интуиция заставила меня затаить дыхание и прислушаться к их доносившимся голосам. В этих двух парнях было что-то невероятно похожее — не внешне, а на каком-то глубинном уровне подсознания: одинаковая жесткая посадка головы, одинаковая безупречная уверенность в каждом движении.

— Она действительно вчера плюнула тебе в лицо? — донесся до меня голос Мэйсона с едва уловимой, сухой усмешкой.

— Да, — сквозь зубы процедил Крис.

— И ты ей ничего за это не сделал? Великий Кристофер Блейк просто утерся?

— Не успел, — угрюмо буркнул Крис. — Она сбежала.

— Ты понимаешь, что своими детскими выходками и этой бессмысленной травлей сам рушишь собственную репутацию? Все уже шепчутся за твоей спиной.

— Меня мало волнует, что шепчет эта отара, — отрезал Крис.

— Врешь. Тебе всегда было важно быть первым.

Мэйсон на секунду замолчал, а потом его голос прозвучал с какой-то странной, тяжелой семейной властью:

— Слушай меня очень внимательно, Крис. Больше ее не трогай. Ни в подсобках, ни в коридорах. Нигде.

— Закончил нотацию, братец? — со злым сарказмом выплюнул Крис.

За углом я буквально обомлела. *Братец?..*

— Да, — ответил Мэйсон.

— Тогда теперь послушай меня, — шаг Криса прозвучал громче. — Не смей указывать мне, что делать. И не лезь со своей правильной моралью туда, где тебя не просят. Я сам разберусь со своей жизнью и с этой девчонкой.

— Иногда мне кажется, Крис, что ты так и не вырос из возраста, когда ломают чужие игрушки просто от обиды на отца, — вздохнул Мэйсон.

Послышались тяжелые, удаляющиеся шаги Мэйсона.

Я стояла за углом, прижав ладонь к груди. В голове со сви-

стом переворачивались все элементы мозаики. *Крис и Мэйсон... Братья? Блейки?*

Господи. Мэйсон Блейк и Кристофер Блейк. Два родных брата, ненавидящих друг друга так сильно, что искры летят на всю школу. И я оказалась аккурат посередине их личной, давней войны.

Я заставила себя сделать глубокий вдох и тихо, бесшумно пошла дальше по коридору, пока Крис не заметил, что я слышала их разговор.

Крис остался стоять один посреди пустого, залитого дневным солнцем коридора. Он долго смотрел вслед уходящему брату, а затем горько, желчно усмехнулся сам себе.

— «Не трогай ее»... — тихо фыркнул он под нос, сжимая кулак до побеления костяшек. — Тоже мне. Защитник прорезался.

Но почему-то впервые за долгое время его задевали не привычные правильно-назидательные слова Мэйсона.

Его до безумия, до судорожного скрежета зубов раздражала мысль о том, что девчонка, которая вчера без тени страха плюнула ему в лицо, сегодня снова посмотрела на него без единой капли испуга. Настоящего испуга. И что в ее темных, глубоких глазах он увидел не всемогущего и опасного Кристофера Блейка, которого боялась половина школы... а всего лишь самовлюбленного и глупого дурака.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.